

3. Вертовек С. Направление действий среди многообразия культур и виды гражданства в европейских городах // Международный журнал социальных наук. 1998. Ноябрь, 23. С. 32.

4. Бек У. Космополитическое мировоззрение... С.95.

Фатихов С. П.,
г. Екатеринбург

СТРАХ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ

Страх – первая эмоция, которую испытывает человек в Библии. Не желание, не стыд, но страх. Вкусив от древа, Адам открывает, что он наг, и прячется от Бога, сознаваясь: «Убоялся, потому что я наг». Почему страх? Возможно, потому, что для творцов Библии страх – самая ошеломляющая из эмоций. До того как их охватил страх, Адам и Ева существуют и действуют в мире, но без какого-либо ощутимого опыта этого мира. С обретением страха их сметают переживания. Пребывая в неведении, Адам и Ева способны лишь на самое ленивое признание добра и самое смутное представление о зле. Такая слабая осведомленность о зле превращает их в зрителей своей собственной жизни, в лучшем случае – в полусознательных актеров. Никто из них не знает в точности, что творит. Но испугавшись, она узнают. Простой соблазн приводит к драматическому выбору, инертное движение – к избирательному действию. Их история (и наша!) начинается.

Под политическим страхом будем подразумевать переживание людьми возможности определенного ущерба их коллективному благополучию – боязнь терроризма, паника в результате роста преступности, тревога из-за упадка нравственности – или же запугивание людей властями либо отдельными группами. Что же превращает оба типа страха скорее вполитический, чем в индивидуальный страх? То, что они зарождаются в обществе либо несут общественные последствия.

Такие индивидуальные страхи, как, например, страх полетов или боязнь пауков, - артефакты нашей собственной психологии и нашего опыта, имеющие слабое воздействие на других. Политический страх, напротив, возникает из конфликтов внутри и между обществами.

Политический страх также способен иметь далеко идущие последствия. Он может диктовать общественную политику, приводить новые группы к власти и не пускать другие, создавать и отменять законы. Политический страх часто связывают с политикой активного вмешательства государства в общественную и экономическую жизнь, не носящего обязательный, или, по крайней мере, открытый характер. Возьмем, к примеру, страх женщины перед жестоким мужем и работника – перед его нанимателем. Для стороннего наблюдателя эти страхи индивидуальны и являются плодом частного злоупотребления властью. Фактически же такие страхи политичны. Они проистекают из укоренившейся социальной несправедливости и поддерживают давние традиции господства над женщинами и работниками. Эти традиции неравенства часто (хотя и не напрямую) укрепляются и продолжают создаваться (пусть и с определенной дистанции) политикой правительства. За жестоким обращением мужа с женой стоят века законов и доктрин, даровавших ему власть над ней; за жестокостью работодателя – законы прошлого и настоящего, наделившие его безоговорочной властью над служащими.

К этому рассуждению надо добавить следующее: хотя страх политичен, мы часто забываем либо неправильно истолковываем это, затрудняя понимание того, как и почему используется страх. Убежденные в том, что нам не хватает нравственных или политических принципов, чтобы объединиться, мы смакуем переживание страха, так как полагаем, что только страх сможет превратить нас из разобщенных людей в единый народ. Рассматривая политический страх как основу нашей общественной жизни, мы отказываемся видеть заложенные в ней противоречия и недовольство. Мы закрываем глаза на настоящие конфликты, которые превращают страх в

инструмент политического правления и прогресса, и отказываемся от тех средств, которые могли бы смягчить конфликты, в конечном счете оказываясь в плену страха.

Возможно, именно этого и хочет кто-то в нашем обществе – быть в вечном плену у страха. Но так как страх редко надолго приносит единство и энергию, которые столь многие надеются от него получить, нам, вероятно, следует искать эти необходимые блага где-то еще и подходить к страху как к тому, чем он и является, - симптому повсеместно проникающего конфликта и политических неудач.

Первым, кто заявил: «Больше всего я боюсь страха», - был французский эссеист Мишель де Монтень. С тех пор философы и политики, ученые и специалисты, приняв это как директиву, стали считать страх величайшим злом цивилизации, смертельным препятствием на пути к свободе, которое необходимо преодолеть любой ценой. Однако что-то внутри нас сопротивляется такой антипатии. Нам, кажется, даже приятно оказаться испуганными. Потому что страх делает наш опыт необычайно интенсивным. Как никакая другая эмоция, он ускоряет наше восприятие, заставляя видеть и действовать по-новому, нестандартно, более избирательно, с обостренным осознанием нас самих и нашего окружения. Согласно Джону Локку страх есть «беспокойство ума», и «главным, если не единственным, стимулом человеческого развития и действия является тревога». С Локком согласен и Эдмунд Бёрк: когда мы воображаем перспективу «боли и ужаса», мы испытываем «восхитительный страх». Без страха мы пассивны; с ним – поднимаемся до «сильнейшей эмоции, которую способен испытать разум».

Так же и в политике. Хотя самые современные писатели и политики выступают против политического страха как врага свободы, разума и других ценностей Просвещения, вопреки себе они часто видят в нем источник политической жизнеспособности. Политический страх должен научить нас, чего стоят специфические политические ценности. Страх гражданской войны, например, должен породить уважение к правопорядку, страх тоталитаризма –

приверженность либеральной демократии, страх фундаментализма – поддержку терпимости и плюрализма. Боясь столкнуться с этими бедами, мы убеждены в необходимости предпринять соответствующие меры по их предотвращению. Политический страх должен также вызывать духовное пробуждение. Без опасности и вызываемого ею страха нам недостает не только страстной убежденности в политических ценностях – нам вообще не хватает убеждений. Мы омертвели. Лишь перед лицом страха мы пробудимся к действию.

Для того чтобы политический страх смог нас воодушевить, объект страха должен принадлежать сфере политики и при этом, в глазах испуганных, все же находиться вне ее.

Такая политическая опасность, как война или восстание, требует, чтобы общество определило или подтвердило свои убеждения для мобилизации перед лицом угрозы во имя политических ценностей. Политическая катастрофа заставляет общество открывать политические идеалы и следовать им, что при менее угрожающих обстоятельствах могло бы просто наскучить.

Мы не всегда думали о политическом страхе таким образом. Большинство мыслителей, предшествовавших современной эпохе, рассматривали страх как артефакт наших нравственных убеждений, бывших продуктом политического образования, законов и институтов.

Для этих авторов страх не мог быть инструментом гражданского обновления, поскольку страх зависел от предшествующих представлений о добре и зле. Только зная, что есть добро, мы можем знать зло и бояться его. Другими словами, то, что вселяло страх, было моралью, а после морали – политикой.

Сегодня мы уже не склонны думать о политическом страхе как о союзнике наших верований и суждений, моральных и политических. «Страху не нужны определения, - пишет Реймонд Арон. – Это первичная и, так сказать, надполитичная эмоция». Политический страх считается чем-то вроде

ужаса или тревоги. Ужас – это «физиологическая реакция» на чрезмерную физическую опасность; это автоматическая реакция, «непроизвольная и совершенно недоступная для контроля», на незаконное и произвольное насилие. Тревога – это не целенаправленная опасность, испытываемая людьми в виде моральной анархии и социального расстройств. Это «тревожные времена», как пишет Майкл Сэндел, когда мы страдаем от «ощущения того, что, начиная с семьи и заканчивая целой нацией, ткань морали всего сообщества расплывается на наших глазах». Как и индивидуальный политический опыт, ужас и тревога ориентированы не на мораль и идеологию, а на насилие и отчуждение.

Так как мы отделяем страх от морали и политики, мы полагаем, что он может оказаться основой и того, и другого, особенно в моменты нравственных сомнений и политической медлительности.

Да, мы можем не знать, кто мы есть; мы можем не знать, что такое добро или справедливость, но мы точно знаем, что значит бояться. Это простое, почти инстинктивное знание структурирует нашу общественную жизнь и оживляет ее проявления. Это диссонирующая энергия нашей гражданской веры и необходимый раздражитель коллективной воли.

Литература

1. Арон А. Этапы развития социологической мысли. М., 1992.
2. Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., 1979.
3. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Избранные философские произведения в двух томах. Т. I. М., 1960. С. 153-162.
4. Sandel M. Democracy's Discontent: America in Search of a Public Philosophy. Cambridge, 1996.